

Н.Т. Пахсарьян

**Рецензия на кн.: ГОЛУБКОВ А.В.
ПРЕЦИОЗНОСТЬ И ГАЛАНТНАЯ ТРАДИЦИЯ ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII века.
М.: ИМЛИ РАН, 2017. 294 с.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В рецензии представлена книга, посвященная тому феномену французской литературы XVII в., который до сих пор не становился предметом специального и глубокого анализа в отечественном литературоведении. В монографии исследованы социокультурные истоки прециозности (различные трактаты о благородном поведении), этапы становления прециозного и галантного дискурсов, дан анализ основных понятий — “*gracieuse*”, “*galant*”, “*honnête*” и т.п., рассмотрено своеобразие художественного воплощения образов прециозниц в наиболее показательных сочинениях XVII столетия, прежде всего — в знаменитой комедии Мольера “*Précieuses ridicules*”. Многие произведения, посвященные этому явлению культуры классической эпохи, вводятся в отечественный литературоведческий обиход впервые. Наряду с высокой оценкой важных и доказательных наблюдений и выводов монографии, в рецензии отмечены и некоторые недостатки, связанные с переводом нескольких слов и выражений той эпохи, что оказало определенное воздействие и на общую концепцию работы А.В. Голубкова, однако не изменило общей положительной оценки книги.

Ключевые слова: классика; прециозность; галантность; аристократизм; буржуазность; благовоспитанность; формы репрезентации; идеал поведения; перевод.

Монография А.В. Голубкова — важное и актуальное исследование того сегмента французской литературы, который практически не исследован отечественной наукой. Говорить об актуальности изучения литературы классической эпохи — одновременно легко и сложно. Легко — поскольку литературная классика вечно актуальна, связана с ценностями, постоянно востребованными, и проблемами, вновь и вновь решаемыми каждым последующим периодом в

Пахсарьян Наталья Тиграновна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

истории культуры. Трудно — поскольку далеко не все произведения классического этапа входят в круг тех феноменов, которые принято называть мировой и национальной классикой, уход таких произведений на периферию читательского интереса часто сопровождается и маргинальным положением их в исследованиях специалистов. В то же время, как верно сказал некогда Поль Валери, «никому не дано сказать, что окажется завтра живым или мертвым в литературе, в философии, в эстетике». И если конкретно обратиться к феномену прециозности — на первый взгляд, причудливому и почти забытому явлению французской светской культуры XVII в., то современные гендерные штудии с их интересом к генеалогии феминизма, неожиданным образом открыли необходимость тщательного анализа прециозного движения, его становления, эволюции, репутации в кругу современников, соотношения с галантной традицией и т.д.

Отечественное литературоведение, наследуя настороженно-пренебрежительное отношение советской гуманитаристики к аристократической и светской культуре прошлого, редко обращалось к ее фундаментальному анализу. Следствием недостаточной изученности этого феномена является то, что в нашем литературном обиходе понятия «прециозность», «галантность» и «куртуазность» часто употребляются как синонимы, их историко-культурное и этико-эстетическое различие нивелируется, а терминологическое значение едва ли не вытесняется обыденным (подобно расхожему употреблению слова «романтический», например). Однако, хотя сам автор монографии прежде всего подчеркивает актуальность и новизну своей работы в контексте российского литературоведения, и для зарубежной литературной науки она имеет важное значение: в ней по-новому поставлены вопросы историко-культурной периодизации феномена прециозности (в отличие от расширительного толкования Р. Бре и его последователей, с одной стороны, и от сужающего, хронологически ограничивающего толкования А. Адана), сделана большая работа по определению как самого круга исследуемых источников, так и анализа дискуссионных моментов изучения прециозности в западном литературоведении. Тщательный и подробный обзор предшествующих трудов по истории светской культуры во Франции XVII столетия позволяет определить самостоятельную исследовательскую стратегию, логично выстроить этапы анализа движения прециозности — ее истоков, кульминации и угасания. Скрупулезность анализа, методологическая основательность, сочетание историко-литературной конкретности и теоретической обобщенности, аргументированность выводов отличают данный труд.

В монографии А.В. Голубкова, помимо введения и заключения (а также обширной, практически исчерпывающей библиографии) содержатся две главы, поделенные на разделы. Такая структура представляется логически обоснованной: она позволяет системно организовать обширный материал исследования, сконцентрироваться на анализе узловых проблем. Обращаясь к предыстории формирования прециозной культуры в первой главе, А.В. Голубков закономерно включает в круг исследовательского внимания знаменитый трактат Кастильоне «Придворный», оказавший огромное влияние на формирование светской культуры XVII в., и связанный с этим термин «академия», пускаясь в пространный и основательный обзор академий от времен Платона до конца XVII в. Очень интересен раздел 2.1 («Глаз крота»), где речь идет о медицинских и онтологических основаниях мизогинии от того же Платона, Аристотеля и других античных авторов до эпохи позднего Ренессанса и, в частности, Монтеня. Чрезвычайно важно, что автор всякий раз сопрягает анализ генезиса культурных явлений «академизма», «галантности», «прециозности» с уточнением того, как формируются и функционируют сами названные понятия: стремление выявить тонкие, порой зыбкие терминологические различия, позволяет осуществить сущностную культурологическую дифференциацию и эволюцию этих явлений, отметить точки схождения и нюансы полемики. Установление оттенков смысла в словах и словосочетаниях “galanterie”, “préciosité”, “honnête homme”, “homme galant”, “galant homme”, “femme galante”, “précieuse”, “prude”, “coquette” — дело достаточно сложное, с которым автор монографии успешно справляется, соединяя лингвистический, историко-литературный и культурологический подходы.

В каждом из разделов первой главы А.В. Голубков обращается к рассмотрению большого числа трактатов от античности до Нового времени (помимо уже названных — «О назначении частей человеческого тела» Клавдия Галена, «Галатео, или Об обычаях» Джованни делла Казы, «Светская беседа» Стефано Гуаццо, «Благовоспитанный человек, или Искусство нравиться при дворе» Никола Фаре, «Законы галантности» Шарля Сореля и многие другие), не просто умножая количество анализируемых текстов, а доказательно воссоздавая интеллектуальный контекст, в котором формировалась светская культура во Франции, в частности, уточняя степень знакомства французской публики с названными сочинениями. Завершая главу демонстрацией «обратной стороны» галантности на примере сопоставительного анализа трактата Сореля и пьесы Мольера «Смешные прециозницы», автор органично переходит от предыстории к собственно истории феномена прециозности.

Во второй главе «Феномен прециозности — реальность или литературная фикция?» объектом анализа становятся различные формы репрезентации прециозниц, трактовки их облика, поведения, языка в художественной литературе середины XVII столетия — в «Карте Нежности» Мадлены де Сюдери, «Карте королевства Любви» Тристана л'Эрмита» и «Карте страны Легкомыслия» Бюсси-Рабютена, в романе Мишеля де Пюра «Прециозница, или Тайна алькова» и «Мешанском романе» Фюретьера, в пьесах Мольера и Бодо де Сомеза, в «Словаре прециозниц» того же Сомеза, в поэзии Демаре де Сен-Сорлена, Монтозье, в «Занимательных историях» Таллемана де Рео и т.п. Отечественным литературоведам впервые предоставляется возможность проследить, говоря словами самого А.В. Голубкова, «перипетии формирования женского салонного эпоса» во всех нюансах и на материале, практически отсутствующем в обиходе российского — а отчасти и зарубежного литературоведения. Особое место занимают подробное описание и анализ «лингвистических и литературных стратегий прециозниц» (раздел 2.7). Они рассматриваются на фоне языковых трансформаций, происходивших во Франции в течение XVI—XVII вв. Очень важен и обоснован вывод о том, что в лингвистических экспериментах прециозниц дают о себе знать и барочная изощренность, и классицистический «отказ от грубостей и низкого стиля» (с. 222).

Работа А.В. Голубкова читается с интересом не только благодаря глубине и тщательности анализа поставленной проблемы, анализа, сделанного на современном методологическом уровне, но и по причине в целом хорошего слога. Есть, однако, некоторые особенности словоупотребления у автора, которые можно назвать недостатками: так, он явно предпочитает писать «генерализация» вместо «обобщение» и отмечает свойство «генерализированности» трижды на двух соседних страницах, причем дважды — в следующих друг за другом предложениях (с. 4–5); отмечая деление персонажей Мольера на хороших и плохих, Андрей Васильевич называет это деление «сегрегацией»; заголовок трактата любящего трезвый стиль Шарля Сореля «О знакомстве с хорошими книгами» переводит возвышенно-архаизированно как «О познании добрых книг». Разумеется, замечания такого рода носят вкусовой характер и могут показаться придирками. Однако в отдельных случаях специфическое авторское словоупотребление носит концептуальный характер и вызывает в связи с этим более серьезные возражения: так, определяя характерное для прециозниц требование сдержанности в любовных отношениях, девственной чистоты, невинности и даже холодности посредством термина «фригидность» (термина, имеющего медицин-

скую семантику, означающего род болезни, существование которой, впрочем, некоторыми специалистами оспаривается), А.В. Голубков тем самым пытается, по существу, определить физиологические особенности как реальных прециозных дам, так и литературных героинь (в частности, он говорит о «противоестественной фригидности» мольеровских Като и Мадлон — с. 72). Полагаю, что вряд ли мы можем сегодня сказать что-либо определенное о сексуальном темпераменте Мадлены де Скюдери и иже с нею. Если же использовать это слово метафорически, то такая метафора — не самая удачная, в ней есть своего рода утрировка, натяжка — как и в прозвучавшем в заключительном разделе книги утверждении, что Мольер был мизогиним (с. 267). В этом случае автор практически становится на сторону радикального феминизма, объявляющего любую критику женщин, указание на негативные качества отдельных женщин или даже определенной социальной группы мизогинией.

А.В. Голубков хорошо владеет французским языком, что позволяет ему в процессе анализа большей частью не переведенных у нас текстов точно и стилистически тонко передать их смысл, перевести цитаты и отдельные выражения. В то же время и здесь необходимо сделать некоторые замечания: так, более удачным и близким к семантике галантной эпохи был бы перевод выражения “faire l’amour” как «ухаживать» (а не «заниматься любовью», ведь это выражение несет для современного читателя совершенно особые коннотации). Представляется, кроме того, не слишком точным перевод понятия “honnête homme” как «человек чести». Дело не в словарном буквализме, не просто в том, что “honnête homme” — это не “homme d’honneur”. Тут стоило бы обратиться к идее Ж.-К. Турнана, который определяет развитие типа личности во французском свете от 1630 к 1660-м годам как движение «от героя к благовоспитанному человеку» [Tournant, 1978: 103]. Еще со времен знаменитого трактата Никола Фаре (1630) упор делался не на способности “honnête homm” защищать свою честь, а на следовании тем правилам поведения, которые приняты в светском обществе, и эти правила включали приятные манеры, умение одеваться, ухаживать за дамами и т.п. Благовоспитанный человек — это человек меры, в котором ничего не должно выходить за рамки этой меры, а стало быть, он не только не должен быть педантичным, например, но и не должен быть воинственным (что не слишком вяжется с понятием «человек чести»). Как писал «профессор благопристойности» Мере, «война — самое прекрасное ремесло на свете. С этим надо согласиться. Но...у благовоспитанного человека нет никакого ремесла» [Chevalier de Méré, 1930: 11]. К этому стоит добавить, что такой перевод, возможно, рождается от

того, что автор монографии предпочитает говорить не о светской в более широком смысле, а об аристократической культуре, частью которой он считает как галантность, так и прециозность. Отсюда проистекает, по-видимому, и ошибочное причисление А.В. Голубковым героев мольеровской пьесы — Лагранжа и Дюкруази — к аристократам. Между тем, хотя сословная принадлежность этих персонажей не обозначена в списке действующих лиц (в отличие от прямо названного буржуа Горжибюса), как верно указывает Джеймс Гейнс, уже в первой сцене «Смешных прециозниц» Мольер устанавливает социальную принадлежность Лагранжа и Дюкруази посредством того, что они «обращаются друг к другу с характерным буржуазным титулованием — “господин”», а во второй сцене «их буржуазный статус подкреплен тем, что буржуа Горжибюс просто называет их “вы”», позднее объясняя, что «знает их семьи и состояние» — знать состояние женихов, поясняет ученый, было бы не нужно, будь они аристократы [Gaines, 1984: 63–64]. Что же касается социального состава посетителей прециозных салонов, то и тут можно сослаться на сборник «Город и общественное сознание» [La ville et l'esprit de société, 2004], где в статье Никола Шапирà (Schapira, 17–32) говорится о том, что светские городские салоны отличались от придворно-аристократических собраний, они были призваны соединять аристократов, крупных и мелких буржуа (торговцев, банкиров и ремесленников), мелкое дворянство, священников и литераторов — выходцев из разных, но чаще всего не аристократических сословий.

Совершенно верно, что модели, идеалы, ценности прециозной культуры восходили к аристократическим моделям, идеалам и ценностям, не случайно в салоне Мадлены де Скюдери (которая была скорее всего буржуазкой по происхождению, или в лучшем случае, как пишут некоторые биографы, принадлежала к захудалому дворянскому роду, но уж никак не к аристократии), где собиралась почти исключительно как раз буржуазная публика, бытовала убийственная характеристика «вести себя как последний буржуа». Но культивирование интеллектуально-поведенческого и языкового аристократизма не означает все-таки принадлежности к тому, что можно было бы назвать собственно аристократической культурой (как культивирование рыцарственности не тождественно принадлежности к рыцарскому сословию).

Пожалуй, это самое основное полемическое расхождение с концепцией А.В. Голубкова, которое необходимо констатировать, оговорив, одновременно безусловное право автора на иную точку зрения. Проявив дотошность, можно сделать еще несколько мел-

ких замечаний: например, хотелось бы узнать источник, из которого А.В. Голубков почерпнул сведения о том, что последние тома «Астреи» были дописаны Гомбервилем (с. 111) (до сих пор считалось, что это сделал секретарь писателя Баро); было бы нелишне пояснить, что такое «стерильное» пространство романа д'Юрфе (с. 114), в чем и как проявляется эта стерильность; наконец, лучше было бы исправить ошибочное произношение и написание имени Ге де Бальзака (не Гез, а Ге — перестали же мы говорить Форез вместо Форе и Сен-Тропез вместо Сен-Тропе), чем давать еще более ошибочный вариант — Гёз де Бальзак.

Однако все эти замечания не отменяют общей высокой оценки монографии А.В. Голубкова, издание которой можно лишь приветствовать. Наблюдения и выводы, сделанные автором, помогут как более глубокому и точному академическому исследованию французской литературы и культуры XVII в., так и более увлекательному и конкретному преподаванию ее в университетских курсах и спецкурсах.

Список литературы

- Chevalier de Méré. Oeuvres complètes. 3 vol. T. 1. Paris, 1930.*
Gaines James F. Social structures in Moliere's theater. Columbus, 1984. 283 p.
La ville et l'esprit de société / K. Beguin et O. Daustresme dir. Tours, 2004. 154 p.
Tournant J.-C. Introduction à la vie littéraire du XVII siècle. Paris, 1978. 190 p.

Natalia T. Pakhsarian

**Review of the Book: G O L U B K O V A. V.
AFFECTED MANNERS AND THE GALANT TRADITION
IN THE 17th — CENTURY FRENCH DRAWING-ROOM
LITERATURE. M.: IMLI RAN edition, 2017. 294 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review represents the book about the phenomenon the XVII century French literature, which has been the subject of social and deep analyses in Russian literary criticism. The monograph examines the social and cultural sources of noble behavior, the stages of refined and gallant discourses. Such concepts as “précieuse”,

“galant”, “honnête”, etc. are analyzed. The peculiarity of fiction implementation of refined women images of in definite literary works of the XVII cent., in particular in famous comedy “Précieuses ridicules” by Moliere. Many works on this classic epoch phenomenon are regarded for the first time in Russian literary criticism. However, beside the important and proved observations by the author of the monograph, some little mistakes, connected with the translation of phrases and words of that epoch, were found. This fact influenced the whole work concept, but did not change the positive evaluation of A.V. Golubkov’s work.

Key words: classics; preciosity; gallantry; aristocratism; bourgeoisness; refined manners; forms of representation; the ideal of behavior; translation.

About the author: *Natalia T. Pakhsarian* — DSc in Philology, Professor, Department of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

References

- Chevalier de Méré. *Oeuvres complètes*. 3 vol. Paris, 1930. T. 1.
Gaines James F. *Social structures in Moliere’s theater*. Columbus, 1984. 283 p.
La ville et l’esprit de société / K. Beguin et O. Daustresme dir. Tours, 2004. 154 p.
Tournant J.-C. *Introduction à la vie littéraire du XVII siècle*. Paris, 1978. 190 p.